

ТВОРЧЕСТВО

НАШ АЛЬМАНАХ

ГАСТРОЛИ ТЕАТРА ИЗ ИЖЕВСКА

ДЕЙСТВИЕ классической оперетты — события всегда стремительные, веселые и необычные. Устраиваются настоящие фейерверки фантастических интриг, превращения... На сцене титулованные аристократы, восточные дабы, умопомрачительные красавицы, и все это блестящая различающаяся публике выходящая в беспрерывном суматошном движении. Их-то и подкидывают самые невероятные превращения. Гордая графиня становится женой собственного управляющего, служанка — прямой театальной труппы, кто-то влюбляется в свою жену, но узнав ее под маскарадной маской...

Все смешалось в оверклоуном, обманчивом мире. И само действие с легкостью необычной переносится из богатой гостиной в балный зал, чтобы затем завершиться в стенах тюремной камеры. И где бы они ни оказались, герои чувствуют себя одинаково бесечно и ослепливо. Тин этого ощущения беззаботности, естественного веселья оперетты не существует. Она должна быть естественной в подожженных ей совершенно условных, неприводимых пределах. Это естественность, непринужденность отточенного артистизма.

но начинают чуть ли не насильно для нас основных героев. Этому способствуют не только текст, но и исполнение ролей в спектакле. Адела — Л. Виноградова с легкостью прирожденной актрисы, кем она и мечтает стать, совершает ряд своих превращений на сцене: из надменной баронессы в обратную проставату, не умеющую ни правильно говорить, ни «человечески» двигаться молоденькую девочку. Это, конечно, благодатная роль, но требующая от актрисы специфического разнообразия и умения передать резко обобщенный характер.

Характерность совершенно необходима и В. Рыжикову в роли Фадима. Персонаж, которому отведено скромное место в развитии действия, но который постоянно попадает на сцене, сопровождая своего друга Генриха Айзенштейна, а затем добиваясь взаимности Аделы. Фазы — глупина, шутишка. Шутки его не отличаются особой изысканностью или глубиномыслием, но забавны и в своей незамысловатости.

В. Рыжиков — актер очень подходящий и исполнению комических характерных ролей в классической оперетте. Там, в «Баядера» он

ТРУДНОСТИ ЛЕГКОГО ЖАНРА

Здесь все очумелое, неслыханное, но артисты прощают обман, более того он сам хочет быть обманутым, увлекаясь этим превращением-блужданием. Но при этом зритель способен не так уж легко поверить. Стоит ему заметить возможность, недостаток артистической напряженности, свободы, усомниться в том, что ему хотят внушить, и впечатление оказывается, оборачиваясь не очень хитрой, грубоватой выдумкой.

В спектакле Удмуртского музыкально-драматического театра, поставленного по классической оперетте, не во всем одинаково обаятельна эта мера сценической выдумки. Очень много в оперетте зависит от отдельного исполнителя, особенно в главной роли: его неудача обязательно обернется неудачей всего спектакля. Так, дважды была показана влогосному зрителю «Баядера» И. Калыма, первый раз в роли советника восточного посольства появился В. Нисковских, второй — В. Демкин.

Нисковских — исполнитель большинства основных партий, актер обладающий гораздо более сильным голосом, способный подчинить себе действие, но эта его способность здесь идет скорее во вред, значительно утяжеляет спектакль. С излишней очевидным усилием, с драматическим нажимом и поэтому с непонятным элементом комизма пытается он уверить нас в восточном изобретении злой-ных чувств своего героя. Но оперетта, прежде всего, легкомыслие, обаятельность — уж такова она есть, — даже в том случае, если события останавливаются на самом краю драмы, даже если они рассматривают о наземной любви.

Актер, лавирующий этой обаятельной зыбкости, не может рассчитывать на успех в жанре оперетты. В удмуртском театре давно недостает обладающего этим качеством романтического героя. Его отсутствие компенсируется едва ли не во всех спектаклях.

Роль главной романтической героини с гораздо большим усердием исполняет засл. арт. УАССР Ю. Ефремова. Ее отличает сценический такт, профессионализм, благодаря которым артистка получает возможность не просто присутствовать при непосредственной борьбе актера с музыкальными трудностями текста, но следить за Марией, Изабеллой, Одеттой. Так получается искусство, хотя, разумеется, это еще только его верные и необходимые шаги.

В спектаклях театра хорошо выглядят характерные персонажи, участники второй, как правило, комической интриги, в исполнении Л. Виноградовой, Е. Степановой, В. Рыжикова.

В «Летучей мыши» Штрауса есть два персонажа, которым отведена не самая главная роль в действии: служанка Адела и директор театра Фадим. Но настолько выразив в них беззаботный дух оперетты, что они поставле-

подойдя в роли Филиппа, шопогольного фабриканта, которого интриги постоянно влекут туда, где есть что-либо выпить и веселиться. У актера небольшой, но, что важно в таком амплуа, запоминающийся специфический тембр голоса.

Такие роли и такие исполнители не менее незаменимы в опереточных спектаклях, чем романтические герои. Часто они являют оживление, дискуссию ритм, резко меняющийся от сцены к сцене. И именно этого все-таки не всегда достает в спектаклях удмуртского театра, и в том числе в «Летучей мыши», даже несмотря на удачи этих двух характерных ролей. Спектакль, несомненно, выстроил режиссером М. Леонидовым, но в нем нет достаточной возможности ритмических выходов, особенно в быстрых музыкальных эпизодах. Кажется, что актеры сознательно избегают, боясь увеличить темп, чувствуют себя неуверенно в танце.

Эта неуверенность бросается в глаза и в других спектаклях. Одно-два танцевальных движения (на большее решаются редко), во время которых исполнитель неосторожно следит за партнером, откровенно боясь потерять его и сбиться. Как пример — сцены в «Марике» с участием самой героини, барона Зульи и старика князя. Не более раскованно чувствуют себя во время дуэта и Лиза со Стефаном. Нет отточенности приёма, той непринужденности сценического поведения, без которого страдает технически чрезвычайно сложное и разнообразное искусство оперетты.

И особенно выразительной выглядит такая сценическая выдумка на фоне других спектаклей, где актеры совершенно преображаются, как, например, во втором спектакле «Баядера», где дуэты и ансамбли идут в приращенном темпе, и настолько танцевальными движениями. Если говорить о балетной труппе театра, то нужно сказать о ее неготовности для оперетты профессиональным уровнем, что особенно относится к ее танцевальному составу по главе с засл. арт. УАССР Ю. Тарайновой.

Как видно явно, в оперетте проявляется и чистое лицедея одна из черт злого искусства — делать легко самое трудное, оставаться раскованным, решать любые технические головоломки. Зритель должен видеть лишь созданное искусство и самое большое — лишь догадываться о том, каким усилием оно создается. В удмуртском театре нередко еще ставились свидетели того, как исполнитель с усилием преодолевает сложность художественного материала. Ну что же, ведь в репертуаре театра Калыма, Лотар, Штраус — самые трудные и самые благородные произведения этого, как его называют, злого жанра.

И. ШВАТАНОВ.

На сцене: сцены из спектакля ижевского «Самостольский замок».

Фото Н. Чеснокова.